

ВОСПОМИНАНИЯ И ИНТЕРВЬЮ

М.Н. Римский-Корсаков Зоологические воспоминания

Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии С.И. Фокина

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия; sifokin@mail.ru

Воспоминания М.Н. Римского-Корсакова — хорошо известного русского энтомолога, старшего сына знаменитого русского композитора — никогда не были закончены. Но даже начало воспоминаний, написанное в 1943 г. и охватывающее период от раннего детства ученого до 1895 г., должно быть интересным для историков биологии. Этот текст, кроме кратких выдержек, ранее не публиковался. Биографическая статья написана автором публикации. Значительное число ранее не воспроизводившихся фотографий иллюстрирует текст биографической статьи и сами воспоминания.

Ключевые слова: М.Н. Римский-Корсаков, зоология, С.-Петербургский университет, энтомология.

Михаил Николаевич Римский-Корсаков (1873–1951) — один из крупнейших отечественных авторитетов в области прикладной энтомологии первой половины XX века. Выпускник (1895) Зоотомического кабинета Императорского С.-Петербургского университета (ИСПБУ), приват-доцент (1901), а впоследствии и профессор этого университета (1918), Михаил Николаевич организовал там в 1919 г. кафедру энтомологии, которую он возглавлял до 1930 г.¹ Параллельно как педагог и ученый он много времени и энергии отдавал Лесному институту, где с 1921 г. до своей смерти был заведующим кафедрой зоологии и лесной энтомологии. За это время Римский-Корсаков воспитал несколько поколений биологов. Причем он никогда не был узким, кабинетным специалистом, но прекрасным натуралистом — наблюдателем и исследователем живой приро-

¹ Архив С.-Петербургского государственного университета (АСПБГУ). Д. 2553 (личное дело М.Н. Римского-Корсакова). Л. 42, 142, 174–175.

Рис. 1. М.Н. Римский-Корсаков. Мюнхен, 1910 г. Архив С.И. Фокина

ды, морфологом и анатомом с хорошей общей зоологической подготовкой. Как позднее отмечал его коллега, друг и однокурсник проф. Н.Я. Кузнецов: «У Михаила Николаевича все от природы и из нее, несравнимо меньше от теоретических измышлений. Он биолог и биоценолог, но основное — он педагог. Любовь к природе и сердечное желание вести к ней молодежь: отсюда экскурсионное дело и особенно любимая им фенология»².

Римский-Корсаков действительно был известным ученым и педагогом³. Прекрасное образование и постоянная тяга к знаниям в самых разнообразных естественно-научных и гуманитарных областях сделали Михаила Николаевича своего рода энциклопедистом: он много знал и охотно делился своими познаниями с окружающими. «М.Н. Римский-Корсаков, — вспоминал его ученик А.А. Любищев, — был человек поразительной эрудиции и трудолюбия <...> коллекционер, умевший на экскурсиях, несмотря на свою сильную близорукость, находить то, чего другие не находили. Он отличался высокой культурностью и безукоризненным моральным обликом»⁴. Но не только это привлекало к нему людей. Ученый был мягким, общительным и сердечным человеком, к которому тянулись многие (в том числе и дети). Для самых разных представителей научной и творческой интеллигенции, особенно за пределами Советской России, в трудные 20–40-е гг. XX века он оказался «связующей нитью». Он любил писать письма, разговаривать по телефону, вообще общаться с людьми, и делал это иногда даже в ущерб своей научной и педагогической работе. «Конечная цель любого знания есть человек», — это кантовское изречение могло бы быть девизом ученого.

Круг его общения был огромен, и он не жалел на это общение времени — помимо сугубо профессиональной (энтомологической) переписки в его архиве остались сот-

² ПФА РАН. Ф. 793. Оп. 1. Д. 96. Л. 1.

³ В Советское время: профессор (1933), доктор биологических наук (1936) и заслуженный деятель науки РСФСР (1945).

⁴ ПФА РАН. Ф. 1033. Оп. 3. Д. 506.

ни и сотни писем «о жизни», полученных со всех концов СССР и из-за границы⁵. По тону писем некоторых корреспондентов Римского-Корсакова и темам, в них затронутым, понятно, что встречные письма Михаила Николаевича (их сохранилось немного) были написаны, несмотря на мягкий характер, человеком с твердыми убеждениями, который не боялся эти убеждения высказывать, даже в обстоятельствах тогдашней российской жизни.

Римский-Корсаков начал записывать свои жизненные воспоминания во время Отечественной войны, в 1943 г., эвакуировавшись из блокадного Ленинграда в академический санаторий «Боровое», Акмолинская (Северо-Казахстанская) область, Казахстан. Наброски плана этой работы были сделаны им еще в родном городе в начале войны. Как знать, может быть эта работа, в том числе, помогла ученому выжить в первую блокадную зиму.

К сожалению, Михаил Николаевич прервал записи в самом начале своего повествования, доведя их только до 1895 г., и больше к ним не вернулся. Это огромная потеря для историков отечественной биологии — насколько больше мы могли бы знать о наших научных предшественниках! Но даже и немногое записанное, безусловно, представляет значительный интерес — спасибо мемуаристу за этот труд⁶.

М.Н. Римский-Корсаков родился 20 августа (1 сентября) 1873 г. в семье знаменитого русского композитора Н.А. Римского-Корсакова (1844–1908), принадлежавшего к древнему дворянскому роду⁷. Мать Миши — Надежда Николаевна Пургольд (1848–1919) — происходила из давно обрусевшего немецкого семейства, основатель которого когда-то приехал в Россию из Тюрингии. Михаил был старшим среди детей, — следом за ним родились Софья (1875), Андрей (1878), Владимир (1882), Надежда (1884) и Мария (1888)⁸.

По семейному преданию, М.Н. Римский-Корсаков был назван в честь героя первой оперы Николая Андреевича — «Псковитянка». Естественно, что дома Мишу постоянно окружала музыка, и уже в раннем детстве он играл на фортепиано и даже немного сочинял благодаря занятиям с матерью — Надежда Николаевна была прекрасной пианисткой и имела способности к композиции⁹. Любовь к музыке Михаил сохранил на всю жизнь.

В то же время в семье Римских-Корсаковых очень любили природу. Мать Миши в юности серьезно увлекалась ботаникой, а дядя — Н.Н. Пургольд — был страстным энто-

⁵ Академический архивный фонд М.Н. Римского-Корсакова (ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 2 — письма к ученому) включает 677 единиц хранения, некоторые состоят из десятков писем и открыток. В семейном архиве среди более чем 6000 писем многие также принадлежат Михаилу Николаевичу.

⁶ Первые наброски плана будущих воспоминаний М.Н. Римского-Корсакова относятся, по видимому, к концу 1941 г. (ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–12). Несколько коротких фрагментов из них были опубликованы мною в двух книгах: *Фокин С.И.* Русские ученые в Неаполе. СПб.: Алетейя, 2006. 378 с. и *Фокин С.И., Смирнов А.В., Лайус Ю.А.* Морские биологические станции на Русском Севере (1881–1938). М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 130 с.

⁷ Род Корсаковых берет свое начало в 1390 г. от выходца из Литвы Венцеслава Корсака. Поскольку некоторые Корсаковы считали, что происходят от римских предков, в 1677 г. царем Алексеем Михайловичем им было даровано право называться Римскими-Корсаковыми.

⁸ АСПбГУ. Д. 2553. Л. 2. Мария умерла в раннем детстве, а еще один ребенок — в младенчестве.

⁹ Подробности биографии М.Н. Римского-Корсакова можно найти в хорошем очерке, написанном его племянницей Т.В. Римской-Корсаковой: «Изучай все, что рядом» М.Н. Римский-Корсаков. В кн.: Знаменитые универсанты. СПб., 2003. Т. 2. С. 236–255, а также в краткой справке Б.Н. Мазуровича: Михаил Николаевич Римский-Корсаков (1873–1951). В кн.: Выдающиеся отечественные зоологи. М.: Учпедгиз, 1960. С. 294–298.

Рис. 2. Студенты и сотрудники Зоотомического кабинета. Санкт-Петербург, 1897(?) г.
 Слева стоят: Г.Ф. Арнольд, Д.Д. Педашенко, М.Н. Римский-Корсаков, А.О. Графтио,
 П.Ю. Шмидт. Сидят: Ю.Н. Вагнер и Е.А. Шульц. Музей истории СПбГУ

молодом. Об этих увлечениях, послуживших отправной точкой для выбора Михаилом профессии, он сам подробно писал в своих воспоминаниях:

«Животный и растительный мир русской северной природы всегда интересовал членов нашей семьи. Мать моя, Надежда Николаевна, до замужества одно время усердно занималась ботаникой, а именно — собирала гербарий Петербургской флоры, который частично сохранялся ею во времена моего детства. Впоследствии он поступил в мое распоряжение и был передан вместе с моим гербарием в подвижный музей учебных пособий в Петербурге <...>. С нашей семьей был очень близок дядя Николай Николаевич Пургольд (брат матери), занимавшийся насекомыми, главным образом бабочками».

Начальное образование Михаил получил дома. Перед поступлением в гимназию с ним занимался студент университета В.В. Половцов (1862—1918), впоследствии известный ботаник и педагог. «Он занимался со мною 2 года и прекрасно подготовил меня к 3-му классу гимназии, — вспоминал Римский-Корсаков. — Что касается естественных наук, то я занимался с Половцовым зоологией по старому неважному учебнику Михайлова, и так как Половцов в это время

Рис. 3. Студенты и сотрудники Зоотомического кабинета. Санкт-Петербург, 1909 г.
 Слева направо стоят: Д.М. Федотов (четвертый), ?, В.М. Шиц, А.М. Дьяконов, В.М. Исаев,
 Д.Н. Бородин, ?. Сидят: В.А. Догель, В.Т. Шевяков, М.Н. Римский-Корсаков, А.В. Швейер,
 П.П. Иванов. Музей истории СПбГУ

не был еще естественником, то он не привил мне какого-либо интереса к этому предмету». Ученье давалось мальчику легко. В 1891 г. Михаил окончил гимназию К.И. Мая с серебряной медалью. К этому времени Римский-Корсаков под влиянием дяди и двоюродного брата Н.Н. Соколова (тогда уже университетского студента-зоолога) вполне выбрал свой дальнейший путь. Известную роль в этом сыграло знакомство Михаила Николаевича с фенологическими работами Д.Н. Кайгородова (1846–1924) и, конечно, ежегодное летнее общение с природой, преимущественно на юге С.-Петербургской губернии, где Римские-Корсаковы в разных местах ежегодно снимали дачу. В конце лета 1891 г. юноша был принят на естественное отделение физико-математического факультета ИСПБУ. «Итак, я студент-естественник, — писал Михаил Николаевич. — Эти 4 года, что я был студентом, счастливейшие годы моей научной жизни. Выражаю я именно так потому, что за это время я действительно уже вошел в научную жизнь благодаря прекрасным условиям моего семейного положения, благодаря выдающемуся составу преподавателей Университета и возможности спокойно заниматься учением».

Рис. 4. М.Н. Римский-Корсаков со своими студентами. Санкт-Петербург, 1909 г.
Слева стоят: Г. Нилус, Д.А. Смирнов, Н.Н. Орлов. Сидят: И.Н. Филиппев, В.М. Исаев,
М.Н. Римский-Корсаков, А.А. Любищев и Г. Эк. Архив С.И. Фокина

Годы учения в университете подробно отражены в воспоминаниях Михаила Николаевича, и я не буду на них здесь останавливаться. Окончив курс обучения в 1895 г., Римский-Корсаков был оставлен проф. В.Т. Шевяковым при Зоотомическом кабинете в качестве хранителя¹⁰.

Эта должность, связанная в основном с учебно-педагогической работой, оставляла немного времени для занятий наукой. По-прежнему молодого ученого увлекала энтомология, прежде всего в ее прикладном аспекте. Несколько лет (1897–1899) летнее время Римский-Корсаков по заданию Министерства земледелия и государственных имуществ проводил в Херсонской губернии, где изучал злаковых насекомых-вредителей (изосом); ездил он на Бологовскую биологическую станцию (1900), где объектом его исследования стали ручейники¹¹. К этому времени он начал сдавать магистерские экзамены, после успешного завершения которых получил должность приват-доцента (1901). В качестве последнего Римский-Корсаков читал в ИСПБУ курс энтомологии для агрономов и зоогеографии для географов. Занимался Михаил Николаевич и

¹⁰ Должность, примерно соответствующая ассистентской. Сначала М.Н. Римский-Корсаков был внештатным хранителем, а затем (с 1898 по 1910 г.) — штатным. Официально Шевяков стал профессором кабинета только в 1896 г.

¹¹ АСПБУ. Д. 2553. Л. 22, 26, 30, 34.

научно-популяризаторской работой: в течение долгого времени (1900–1917) он был редактором поддела «Зоология» Большого энциклопедического словаря Брокгауза–Ефрона.

Существенную часть своей научной работы, защищенной им потом в качестве магистерской диссертации, Михаил Николаевич выполнил за границей. Сначала, летом 1901 г., он работал в Зоологическом институте Гейдельбергского университета, где занимался эмбриологией ручейников и слушал сравнительно-анатомический курс у знаменитого профессора О. Бючли (1848–1920). Весь 1902 и большую часть 1903 г. он также работал в Гейдельберге и на Русской морской зоологической станции Виллафранка (близ Ниццы), продолжая работу по анатомии ручейников и эмбрий, а также изучая морской планктон. Тем не менее, полученных материалов было недостаточно для диссертации, а времени на научную работу зимой, в Петербурге, практически не оставалось. Наконец, осенью 1909 г. по представлению заведующего Зоотомическим кабинетом ИСПБУ проф. В.Т. Шевякова Римским-Корсаковым была опять получена годовая командировка в Германию (1910–1911). В записке декану физико-математического факультета ИСПБУ в этой связи Владимир Тимофеевич писал:

«М. Римский-Корсаков, состоя 14 лет хранителем Зоотомического кабинета (в том числе 7 лет приват-доцентом), является очень деятельным и во всех отношениях надежным моим помощником при ведении сложного лабораторного дела. Относясь в высшей степени добросовестно к исполнению своих служебных обязанностей и посвящая все время лаборатории и занимающимся в ней студентам, М. Римский-Корсаков лишен возможности уделять время на свои собственные научные исследования. Это обстоятельство <...> препятствует ему закончить обширный и интересный по добытым материалам труд „Исследование строения и развития конечностей у насекомых“, начатый еще в 1902 г., и который он предполагает представить как магистерскую диссертацию»¹².

Работа в Зоологических лабораториях Страсбургского и Мюнхенского университетов (в последнем у знаменитого Р. Гертвига), а также снова на Виллафранкской зоологической станции по морфологии и регенерации конечностей у эмбрий позволила ученому завершить сбор материала для диссертации. Осенью 1913 г. работа «Строение и регенерация конечностей у эмбрий» была защищена Михаилом Николаевичем как магистерская диссертация. Одновременно он продолжал активно работать в области прикладной энтомологии, выпустив в 1913 г. книгу «Вредные и полезные насекомые», а через год — «Изосомы (толстоножки), вредящие хлебным злакам». После защиты диссертации в течение ряда лет Римский-Корсаков изучал биологию водных наездников.

Параллельно с научной деятельностью и работой в университете он еще с осени 1900 г. преподавал естественнонаучную историю и географию в одной из лучших немецких гимназий С.-Петербурга — КатериненшULE (Katherinenschule), а также состоял в штате Женского педагогического института (1901–1908). В дальнейшем педагогическая деятельность Римского-Корсакова (помимо университета, а затем Лесного института) протекала на Высших естественноисторических курсах Лохвицкой-Скалон (1912–1918) и на Стебутовских женских сельскохозяйственных курсах (1905–1922). В начале 20-х гг. (1920–1922) он был также руководителем экскурсий на Педагогической экскурсионной станции в Павловске и преподавал на существовавшем короткое послереволюционное время Медицинском факультете Петроградского университета¹³.

¹² АСПБГУ. Д. 2553. Л. 78.

¹³ ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 1. Д. 80.

В 1899 г. Римский-Корсаков женился на Е.Г. Роккафукс. От этого брака у Михаила Николаевича родилось трое детей — Георгий (1901), Вера (1903) и Елена (1905). В 1911 г. он женился вторым браком на Е.П. Бартмер, от которой родились сын Игорь (1912) и дочь Ольга (1914).

К моменту октябрьского переворота 1917 г. Римский-Корсаков был уже хорошо известным ученым и педагогом, развивавшим в университете самостоятельное направление зоологии беспозвоночных — энтомологию. Несмотря на бытовые трудности первых лет Советской власти и все возрастающий политический гнет, Михаил Николаевич активно работал, и в 1919 г. ему удалось организовать на естественном отделении Петроградского университета специальную кафедру энтомологии. Это было то время, когда самого ученого должны были выселить из собственной квартиры. Об этом в университетском деле Римского-Корсакова сохранилось письмо ректора университета А.А. Иванова в жилищную комиссию уголовного розыска Петрограда: «Его квартира по Нижегородской улице 17, кв. 10, ровно как и три другие квартиры этого дома предположены к реквизиции Комиссией уголовного розыска. Вторично обращаюсь с просьбой в дополнение к отношению от 23 апреля принять зависящие от жилищной коллегии меры к тому, чтобы названная квартира не была реквизирована, для обеспечения проф. Римского-Корсакова дальнейшей спокойной научной и просветительской деятельностью»¹⁴. Конечно, в таких условиях говорить о «спокойной деятельности» не приходилось. Как раз в это время Михаил Николаевич писал брату Владимиру Николаевичу: «Трудно живет теперь многим <...>. Что-то будет? С продовольствием плохо, цены страшно высокие» (Римская-Корсакова, 2003, с. 247).

Масштаб бытовых трудностей того времени (1919–1921) виден из сохранившегося в университетском личном деле ученого удостоверения: «Предъявитель сего профессор Петроградского Государственного Университета Михаил Николаевич Римский-Корсаков нуждается в починке принадлежащих ему часов-будильника. Выдано настоящее удостоверение профессору М.Н. Римскому-Корсакову для предоставления в государственный часовой магазин (бывший БУРЕ)»¹⁵.

Получив место профессора в Лесном институте, Михаил Николаевич в 1921 г. поселился с семьей в одном из деревянных одноэтажных домов, расположенных рядом с главным зданием института в парке. Это место сыграло большую роль в экскурсионных работах ученого. Одна из них прямо была посвящена парку: «Опыт зоологической экскурсии в природный парк. Экскурсия в парк Лесного института». Впоследствии на основе многолетних наблюдений, сделанных в том числе и в Лесном, появились «Определитель повреждений деревьев и кустарников» (1927), знаменитая книга «Зоологические экскурсии» (1925, 1928)¹⁶ и «Лесная энтомология» (1926).

1920-ые гг. в моральном плане оказались очень тяжелыми для Михаила Николаевича: социальные чистки в университете и развязанная после советизации высшей школы кампания против «реакционно-буржуазной» профессуры; академическое дело; гибель весной 1927 г. от менингита 16-летнего сына, а спустя два года и жены, не оправившейся после смерти ребенка.

Несколько скрасили жизнь Римского-Корсакова научные поездки за границу: в Швецию и Германию (1927) — для ознакомления с Высшими лесными школами¹⁷,

¹⁴ АСПбГУ. Д. 2553. Л. 143.

¹⁵ АСПбГУ. Д. 2553. Л. 151.

¹⁶ Этот труд, написанный в соавторстве с учеником, Б.Е. Райковым, потом выдержал 7 изданий и до сих пор используется на студенческих практиках в высших учебных заведениях.

¹⁷ В Германии М.Н. Римский-Корсаков также принял участие в работе V Международного генетического конгресса в Берлине.

Рис. 5. М.Н. Римский-Корсаков в лаборатории Р. Гертвига. Мюнхен, 1910. Архив С. И. Фокина

и в США (1928) на VI Энтомологический Конгресс в Итаке. К сожалению, они оказались последними. Несмотря на многочисленные приглашения участвовать в международных конгрессах и съездах, которые Михаил Николаевич как широко известный специалист постоянно получал, после 1928 г. ему больше не пришлось побывать за границей.

Резкий контраст между уже забытой «нормальной» жизнью Западной Европы и Америки и советской действительностью не добавлял оптимизма.

«Пишу Вам сидя в вагоне-ресторане. Прекрасный поезд, мюнхенское пиво, вокруг все разговоры о Берлине, Франкфурте, я смотрю в окно: такие славные домики с садиками, вдали развалины старинного замка, — фантазировал Римский-Корсаков в письме к родственникам в 1930 г. — А впрочем, это все только мечты. Действительность иная: столбы пыли на улице; хотел купить булочек, да уж очень большая очередь» (Римская-Корсакова, 2003, с. 250).

В 1929 г. в университете проходили перевыборы профессорско-преподавательского состава, сопровождавшиеся небывалым нажимом на старую профессуру. В местной университетской газете «Студенческая правда» появился цикл явно заказных статей, призывавших «отсеять эту реакционную мелкоту, этих халтурщиков от науки»¹⁸. Среди этой «мелкоты и халтурщиков» значились, между прочим, лучшие профессора-биологи: К.М. Дерюгин, В.А. Догель, Ю.А. Филипченко, В.Д. Зеленский и М.Н. Римский-Корсаков. Весной 1930 г. Михаил Николаевич подал заявление о выходе из университета, и вся его научная и педагогическая деятельность сконцентрировалась в Лесном институте, где обстановка была чуть более либеральной. В приказе по университету вынужденный уход Римского-Корсакова с факультета был сформулирован нейтрально: «выбыл из состава научных работников ЛГУ как оставшийся без поручений на 1930/31 учебный год»¹⁹.

¹⁸ Газета «Студенческая правда» от 04.06.1929.

¹⁹ АСПБГУ. Д. 2553. Л. 175.

Рис. 6. Бородинская пресноводная биологическая станция ИСПБОЕ. День станции, 9 июля 1914 г. Сидят внизу: М.Н. Римский-Корсаков (слева второй), В.М. Рылов, за ним — П.Д. Резвой. Наверху справа — И.П. Бородин. Архив С.И. Фокина

Как видно из переписки ученого, ему, тем не менее, никогда не приходила в голову мысль покинуть родину, хотя он трезво и скептически оценивал перспективы нового политического строя в России. Известно, что многие эмигранты в начале 1920-х гг. предполагали, что советский режим в России явление временное и не за горами скорое возвращение. Римский-Корсаков, наблюдая ситуацию изнутри, не обнадеживал своих корреспондентов. Подтверждением тому может служить, например, письмо из Берна, написанное в конце 1922 г. его учеником В.М. Шицем, выпускником Зоотомического кабинета 1910 г.:

«Многоуважаемый Михаил Николаевич! Получил Ваше скорбное письмо и очень благодарю за весточку. Я было уже совсем собрался ехать в Россию, в особенности после разговора с Л.А. Тарасевичем и С.И. Метальниковым (на прошлой неделе я ездил в Париж). Последний даже заявил мне, что по всем данным „нарыв рассасывается“ и „через год и вовсе рассосется“. Ваше письмо звучит, кажется, диссонансом к столь оптимистическому взгляду, и мне, увы, сдается, что Вы правы <...>. Вопрос о хлебе насущном стоит очень остро и, кажется, здесь поддохнуть с голоду так же легко, как и у Вас <...>. Скажите объективно, Вы либо настроены так

мрачно или же на самом деле действительность столь неприглядна, что порождает у Вас черные мысли? При чтении Ваших писем всегда мороз по коже проходит. Думается, что худшее уже в прошлом и что, наконец, мы вступили в эру творения, а не разрушения. Думается, что Россия достаточно настрадалась и уже успела очухаться от пьяного кошмара, объявшего ее <...>. Ваши письма рассеивают все эти мечты и надежды и удерживают меня от возвращения»²⁰.

Испытанным средством хоть как-то облегчить свое существование в условиях морально и материально тяжелой жизни для интеллигенции всегда была работа. Михаил Николаевич вполне использовал это средство. Помимо работы в университете и Лесном институте в период 1918–1922 гг. он был руководителем зоологических экскурсий преподавателей средних и низших учебных заведений Петрограда; в 1918–1921 гг. состоял заведующим Энтомологического отделения областной сельскохозяйственной опытной станции; был заведующим фенологическим бюро при Русском географическом обществе; был ученым специалистом в Лесном отделе Государственного института опытной агрономии (1922–1930); в 1925–1926 гг. руководил работами экспедиции по исследованию и борьбе с вредителями леса в Среднем Поволжье; в 1923–1931 гг. возглавлял лесо-энтомологические работы в ряде учебно-опытных лесничеств Ленинградской области. Со времени организации Всероссийских съездов зоологов, анатомов и гистологов Римский-Корсаков участвовал в работе всех четырех съездов: Петроград, 1922; Москва, 1925; Ленинград, 1927 и Киев, 1930, а также в работе энтомо-фитопатологических совещаний, Всероссийского съезда преподавателей естествознания (1923) и других региональных и всероссийских научных мероприятий. Он был вице-президентом Русского энтомологического общества (1917–1931 и 1936–1941); редактором трудов Петроградского (Ленинградского) общества естествоиспытателей (1924–1931); членом Совета общества Старый Петербург-Новый Ленинград и т. д.²¹

После смерти жены М.Н. Римский-Корсаков с дочерью Ольгой переехал жить в семью брата Владимира Николаевича и Ольги Артемьевны Римских-Корсаковых. Там, в доме 26 по Английскому проспекту, прошли два последних десятилетия его жизни. Профессиональная активность Михаила Николаевича и в 30-х гг. XX века оставалась весьма высокой. Надо отметить, что Римский-Корсаков был хорошо известен, помимо естественнонаучных, и в музыкальных кругах. Он был одним из главных популяризаторов творчества своего знаменитого отца, нередко выступая с лекциями как о творчестве Н.А. Римского-Корсакова, так и о других русских композиторах.

Жизнь, хотя и не такая уже плохая в бытовом отношении для советской профессуры 30-х гг., продолжала держать научных работников, как и все население страны, в постоянном напряжении. Нападки на экологию и экологов, генетику и генетиков и общая атмосфера террора во второй половине 30-х гг. XX века, конечно, угнетали Римского-Корсакова. Верный своим принципам, ученый дружил с теми, с кем он дружил, и любил тех, кого он любил, невзирая на их отношения с Советской властью. Так, сохранилась обширная переписка Михаила Николаевича с Борисом Евгеньевичем Райковым, учеником Римского-Корсакова по университету (1899–1901) и его соавтором по «Зоологическим экскурсиям». Райков, осужденный в 1931 г. ОГПУ на 10 лет заключения²²,

²⁰ ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 623. Л. 2, 8.

²¹ ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 1. Д. 80. Л. 12–13 об.

²² Б.Е. Райков (1880–1966), известный педагог и методист-естественник, впоследствии крупный историк науки, был осужден по статьям 58–10, 58–11, но, к счастью, провел в заключении только 3 года и 9 месяцев и затем 4 года работал на поселении в бактериологической лаборатории пос. Медвежья Гора (Карелия). Потом он смог вернуться в Ленинград.

Рис. 7. В гостях у ссыльного ученика. Б. Е. Райков, И. Б. Райков и М. Н. Римский-Корсаков. Медвежья Гора, 1936 г. Архив С.И. Фокина

регулярно получал письма от учителя и друга, а в 1936 г. Римский-Корсаков навестил его на поселении в Карелии. И это лишь один пример. Племянница ученого Татьяна Владимировна вспоминала: «Михаил Николаевич, придя домой, с отчаянием сообщал о снятии с работы или аресте того или другого ученого. Особенно тяжело он переживал арест в августе 1940 г. академика Н.И. Вавилова» (Римская-Корсакова, 2003, с. 251). Потом была война.

Многие трудности и ужасы блокады Ленинграда, конечно, коснулись и 68-летнего профессора²³. Родные М.Н. Римского-Корсакова эвакуировались в Казахстан (семья дочери) и в Казань (семья брата), и он остался практически один. Для Михаила Николаевича это было особенно трудно, так как в бытовых вопросах он был весьма беспомощен: как говорили родственники, «не мог себе даже шнурков завязать». С середины сентября, когда блокада уже замкнула свое кольцо, основным способом связи даже в пределах города стали письма: телефон не работал (что особенно удручало Римского-Корсакова, любившего поговорить), скоро встали трамваи и остальной транспорт. Михаил Николаевич перебрался в квартиру Фаворских при университете²⁴, где жила их домработница и были некоторые продуктовые запасы. Оттуда он писал брату в Казань:

«Лежу в квартире Фаворских, еще ночь, не спится, захотелось вот написать тебе <...>. После того как у меня случился сердечный приступ <...> я пролежал добросовестно 2 недели, начал вставать <...> и 24-го перебрался <...>. Я не выхожу <...>. Ко мне приходят (трамваев нет). Был служитель из Лесного института. За последние дни стали лучше выдавать продукты, а хлеба прибавили; я получаю сейчас 400 гр. Недавно, и неожиданно, по-

²³ Михаил Николаевич эвакуировался из Ленинграда летом 1942 г.

²⁴ Дочь М.Н. Римского-Корсакова Ольга была замужем за сыном академика А.Е. Фаворского.

Рис. 8. В эвакуации. Боровое, 1943 г. Слева направо: М.Н. Римский-Корсаков, Л.С. Берг, Евгения — племянница Н.Я. Кузнецова, В.Г. Шаповалова — директор Борового, В.В. Тищенко, С.А. Зернов и Б.В. Образцов. Архив Т.А. Фаворской

лучил одновременно немного продуктов через Географическое общество, как член Совета, совершенно не ожидал» (Римская-Корсакова, 2003, с. 252).

В начале 1942 г. ему удалось три недели получать питание в Академической столовой, но все равно жизнь была трудная и голодная. Поддерживала его переписка с семьей брата и дочери и некоторыми коллегами, как оставшимися в Ленинграде, так и находившимися на «Большой земле»²⁵.

Летом Михаилу Николаевичу удалось выехать в «Боровое» (Акмолинская обл., Казахстан) и по пути две недели погостить у брата в Казани. Спокойная и относительно благополучная жизнь в академическом санатории с семьей дочери казалось бы располагала к работе. Однако, начав там запись своих воспоминаний, он скоро их оставил. Была ли тому причиной нехватка собственных материалов и книг для справок, оставшихся в Ленинграде, или какие-то другие обстоятельства, мы уже не узнаем.

В марте 1944 г. Михаил Николаевич побывал в Москве, где проходили празднества по случаю 100-летия Н.А. Римского-Корсакова, и выступил там с докладом, а в августе вернулся в родной город. Послевоенные годы были для ученого омрачены начавшимся

²⁵ Среди этих корреспондентов были вдова его учителя — Л.Э. Шимкевич, и вдова его ученика — Н.П. Филиппенко.

в стране разгромом биологической науки. Осенью 1948 г. брат Михаила Николаевича Владимир записал в своем дневнике: «Разгром биологии идет полным ходом; три дня были совещания в Лесотехнической академии. Я очень боялся за Мишу, так как он мог брякнуть что-либо, совершенно неподобающее. Со мной он не желает говорить, и даже на мой вопрос о том, что было третьего дня на заседании, с таким раздражением начал говорить, что я решил больше не спрашивать» (Римская-Корсакова, 2003, с. 254).

Пережитые блокада и война, а также моральный климат конца 40-х гг. XX века не могли не сказаться на здоровье уже 76-летнего ученого. В течение 1949 г. Михаил Николаевич дважды перенес инсульт с частичной потерей речи и двигательной активности, и, хотя позже наступило некоторое улучшение, было понятно, что это — начало конца. Он наступил 11 марта 1951 г.

Я благодарен Татьяне Алексеевне Фаворской, внучке Михаила Николаевича, за предоставленную для публикации фотографию из семейного архива. Я с благодарностью вспоминаю, к сожалению уже ушедшую из жизни, Татьяну Владимировну Римскую-Корсакову, чей подробный рассказ о своем дяде был записан мною в 2002 г.

Зоологические воспоминания²⁶

Сегодня 3 марта 1943 г. Мне 69 $\frac{1}{2}$ лет. Уже несколько времени тому назад я начал думать о том, чтобы написать свои воспоминания, которые отражали бы факты и настроения в моей жизни, касающиеся занятий зоологией, и рисовали бы тех лиц, с которыми мне приходилось общаться в течение моей деятельности. Быть может то, что я сообщу здесь, пригодится кому-нибудь при составлении истории развития зоологических знаний в России. Само собой разумеется, очень многое, что, быть может, было бы интересно и ценно, испарилось из моей памяти. В настоящий момент восстановить что-либо при помощи знакомых, бывших свидетелями различных событий, или при помощи каких-нибудь книг или статей, не представляется возможным. В силу этого в написанное могли вкрасться различные ошибки и неточности. Но ничего не поделаешь. Хотелось бы все-таки сделать эту работу, чтобы были сохранены некоторые вещи, которые, вероятно, никем не были записаны, и свидетели которых уже умерли.

Начну со своего детства. Семья моего отца, композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова, отличалась любовью к природе вообще. Животный и растительный мир русской северной природы всегда интересовал членов нашей семьи. Мать моя, Надежда Николаевна, до замужества одно время усердно занималась ботаникой, а именно — собирала гербарий Петербургской флоры, который частично сохранялся ею во времена моего детства. Впоследствии он поступил в мое распоряжение и был передан вместе с моим гербарием в подвижный музей учебных пособий в Петербурге. Таким образом, я с малых лет интересовался растениями и в возрасте 8–9 лет определял растения вместе с моей матерью по определителю цветковых растений Э. Шпейдера (преподаватель училища правоведения). Латинские названия растений запоминались мной очень легко. Для будущих занятий по энтомологии знание местной флоры было, конечно, весьма полезно. Я занимался собиранием растений до 1891 г., т. е. до поступления в Университет.

С нашей семьей был очень близок дядя Николай Николаевич Пургольд (брат матери), занимавшийся насекомыми, главным образом бабочками. Он был несчастный человек, чрезвычайно деликатный и добрый, прекрасно рисовавший и лепивший, но погубивший свою жизнь из-за пристрастия к спиртным напиткам. В молодости он служил где-то, но с того времени, как я его

²⁶ Машинописная копия воспоминаний М.Н. Римского-Корсакова, по которой публикуется текст, находится в личном архиве автора. Оригинал документа, написанный от руки на 27 листах, был передан Т.А. Фаворской в собрание Российской государственной библиотеки (Отдел рукописей. Фонд Фаворских-Епифановых. № 843).

помню, он уже нигде не состоял на службе и проживал на средства родственников, главным образом своего дяди Владимира Федоровича Пургольда и своих братьев и сестер. Ему нельзя было давать в руки буквально ни копейки денег, так как он немедленно тратил их на водку, очень быстро пьянея от нее. Таким образом, ему нанималась комната, покупалось все необходимое для жизни, питался он у дяди или других родственников, в том числе и в нашей семье.

Ряд лет он жил летом на дачах у В.Ф. Пургольда и у нас в Стелеве, Нежговицах, о которых будет речь идти дальше. Николай Николаевич с увлечением собирал насекомых, главным образом бабочек, в пределах Петербургской губернии. Ему удавалось находить редкие виды, относительно которых он советовался с рядом тогдашних энтомологов, членов Русского Энтомологического Общества, в заседаниях которого он, по-видимому, бывал неоднократно. Особенно близок он был с А.Ф. Гюбером, хорошим знакомым семьи Пургольд. А.Ф. Гюбер был обладателем большой коллекции бабочек, главным образом собранной им самим в окрестностях Петербурга. В трудах Русского Энтомологического Общества им было напечатано несколько небольших лепидоптерологических статей. Несколько позже, уже незадолго до смерти Гюбера, меня познакомил с ним двоюродный брат мой Николай Николаевич Соколов²⁷, а после смерти А. Ф. его энтомологическую библиотеку купили Н.Н. Соколов и я. Мне достались главным образом почти все тома ценнейшего издания по бабочкам Великого Князя Николая Михайловича («Memoires sur les Lepidopteres per N.M. Romanoff»)²⁸.

Дядя Н[иколай] Н[иколаевич] был знаком с известным профессором зоологии в Военно-Медицинской Академии Э.К. Брандтом²⁹ и делал для него некоторые рисунки по насекомым. Дядя был отличным работником по части изготовления самодельных приборов для коллектирования и воспитания насекомых (расправилки, садки и т. п.). Под влиянием дяди начал собирать бабочек Николай Николаевич Соколов, который после получения среднего образования в Германии (Гейдельберг) и затем в Дерпте (переименованном потом, как известно, в Юрьев), поступил на Естественное отделение Физико-Математического факультета Петербургского Университета (в 1886 г.). Соколов был старше меня на несколько лет. В 1888 г. и я начал собирать бабочек.

Но вернусь к более раннему времени. Когда мне было 10–11 лет, я начал увлекаться фенологическими статьями Д.Н. Кайгородова³⁰, весенние бюллетени которого в газете «Новое Время» в то время интересовали очень и очень многих молодых людей. Я переписывал эти бюллетени и пытался сам составлять такие. В 1887 г. родители мои наняли дачу в Лужском уезде в имении «Никольском» на оз[ере] Нелай. Здесь наша семья поселилась вместе с семьей тетушки М.Н. Соколовой (вдовы известного химика, профессора Лесного Института Н.Н. Соколова). Я в это время собирал, как было указано выше, растения. Постоянно я ходил

²⁷ Н.Н. Соколов (1866–1936). В детстве долгое время жил в Германии и Эстонии. Студент Зоотомического кабинета ИСПбУ в 1886–1890 гг. С 1892 г. чиновник Департамента земледелия. Ученый специалист сельскохозяйственного Комитета по прикладной энтомологии с 1918 г. С 1919 г. заведующий отделом прикладной энтомологии сельскохозяйственного Ученого комитета земледелия; автор около 20 работ по прикладной энтомологии.

²⁸ Н.М. Романов (1859–1919), великий князь, генерал-адъютант, известный историк и энтомолог, внук Николая I; расстрелян 28 января 1919 г. в Петрограде.

²⁹ Эдуард Карлович Брандт (1839–1891), зоолог-энтомолог, занимался преимущественно анатомией нервной системы насекомых. Выпускник Медико-хирургической академии (впоследствии Военно-медицинской), учитель Н.А. Холодковского, президент Русского энтомологического общества (1879–1889).

³⁰ Дмитрий Никифорович Кайгородов (1846–1924), основатель отечественной фенологии. Выпускник Полоцкого кадетского корпуса и Михайловского артиллерийского училища в Санкт-Петербурге. Впоследствии получил естественнонаучное образование в Петербургском земледельческом (Лесном) институте, где стал профессором лесной технологии (1882–1905). Учитель естествознания В.к. Михаила Александровича.

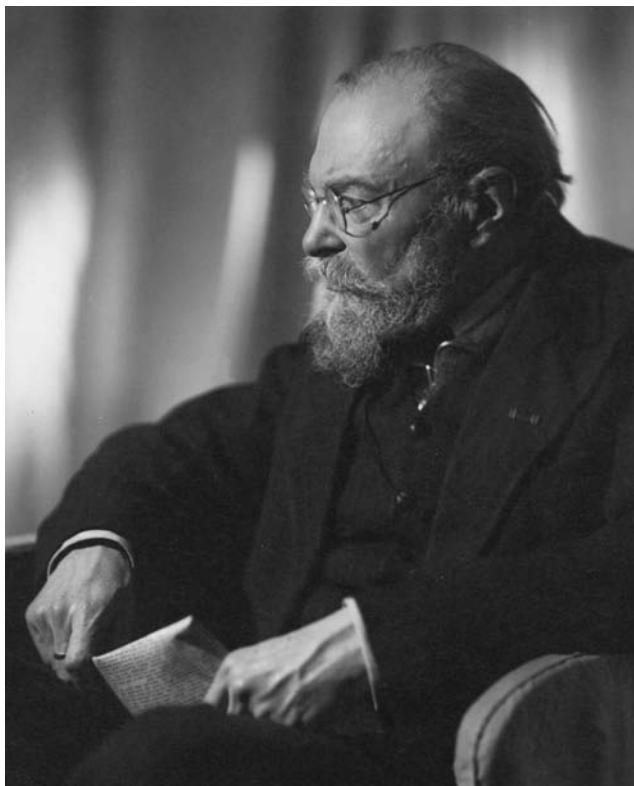

Рис. 9. М.Н. Римский-Корсаков. Ленинград, 1946 г. Архив С.И. Фокина

на экскурсии вместе с двоюродным братом, видел, как он собирал бабочек и гусениц, и вот через год решил и сам собирать насекомых. В 1888 г. семьей нашей была нанята «Красная дача» в имении Нежговицы Глинки-Мавриных, в 15 верстах от Луги. Мне было в это время 15 лет, я был тогда учеником 6-го класса классической гимназии К.И. Мая. Родители отдали меня в частную гимназию, т. к. считали, что в казенных гимназиях дело преподавания поставлено хуже, чем в хороших частных училищах. Выбрана была именно гимназия Мая, т. к. там учились в свое время мои двоюродные братья П.В. и Ф.В. Римские-Корсаковы, а также сыновья близкого знакомых родителей Д.В. Стасова³¹. Я поступил в гимназию прямо в 3 класс, т. к. родители не хотели отдавать мальчика слишком рано в школу. Но надо было подготовить его к школе, а из-за латинского языка, который начинался в гимназиях с 1-го класса, мне нельзя было заниматься с матерью, как это было до сих пор. Надежда Николаевна была к этому времени загружена с младшими детьми. Таким образом, для меня решено было пригласить учителя. Не помню точно каким образом, но кажется через вдову дяди моего Воина Андреевича, М.Ф. Римскую-Корсакову, был приглашен для занятий со мной студент Университета Валериан Викторович Половцев³². Он был тогда студентом Матема-

³¹ Дмитрий Васильевич Стасов (1828–1918), общественный деятель, адвокат, сын архитектора В.В. Стасова, один из учредителей Русского музыкального общества.

³² В.В. Половцев (1862–1918), ботаник, физиолог растений, педагог-методист. Выпускник ИСПБУ (1888). Преподавал в Женском педагогическом институте (с 1903) и в других учебных заведениях Санкт-Петербурга; с 1909 по 1914 г. проф. Новороссийского университета, далее проф. Женского педагогического института. Он перешел на естественное отделение физико-математического факультета ИСПБУ в 1884 г., после трех лет обучения на математическом отделении.

тического отделения Физико-Математического факультета, а по окончании его (или ранее) перешел на естественное отделение факультета. Он занимался со мною 2 года и прекрасно подготовил меня к 3-му классу гимназии. Что касается естественных наук, то я занимался с Половцевым зоологией по старому неважному учебнику Михайлова, и так как Половцев в это время не был еще естественником, то он не привил мне какого-либо интереса к этому предмету. Как известно, впоследствии Половцев сделался ботаником и выдающимся методистом по естествознанию. Поступив в 3-й класс гимназии Мая, я не получил возможности развивать в себе любовь к естественным наукам, которая начала чувствоваться во мне.

В 3-м классе начал преподавать зоологию преподаватель Истомина, но, помнится, он успел дать всего несколько уроков, после чего заболел, и больше уроков естественной истории у нас в классе уже не было. Конечно, это был большой минус школы Мая, но вообще преподавание в ней было поставлено хорошо. Я доставал себе различные книги по геологии, химии, анатомии человека. Все это читалось мной без всякой системы и без всякого руководства. Как уже говорилось, я собирал растения и определял их под руководством матери, а с 1888 г. начал усердно заниматься собиранием бабочек и воспитанием их из гусениц.

Нежговицы, где мы поселились, было во многих отношениях замечательное место. Громадное имение расположено было по обоим берегам речки Быстрицы, которая вытекает из оз[ера] Врево и впадает в Черемнецкое озеро. Имение Мавриных занимало значительную часть берега Черемнецкого озера, на котором располагался большой парк из хвойных и лиственных пород. Природа в нем была мало изменена; посаженные деревья и кустарники (сирень, жасмин и другие) находились только в незначительной части парка вокруг строений (несколько домов хозяев имения, в том числе большой «дворец» и различные хозяйственные постройки, и дома служащих). Речка Быстрица в пределах парка образует несколько живописных извилин. Красная дача, на которой мы жили, отстояла от парка в расстоянии около километра. Путь от дачи в парк по правому берегу Быстрицы был излюбленным местом ближайших энтомологических экскурсий моих и Н.Н. Соколова. На левом берегу речки находился березовый лес с примесью рябины, крушины и других кустарников. На некотором расстоянии от впадения в озеро по берегам речки находились заливные луга. Вверх по течению Быстрицы левый берег был покрыт прекрасным сухим смешанным лесом, чередующимся с сухими песчаными местами, покрытыми вереском. Дальше от реки начинался большой сосновый бор. Ближе к озеру Врево, недалеко от речки были болотистые места. Как видно из вышесказанного, описываемая местность была крайне разнообразного характера, в связи с чем флора и фауна Нежговиц была весьма интересна. Соколову и мне уже вскоре по приезде сюда удалось обнаружить ряд бабочек не только редких для Петербургской губернии, но и совершенно неизвестных вообще для Петербургской фауны. Я, конечно, еще только начинал знакомиться с лепидоптерофауной нашей губернии, но Соколов имел уже некоторый опыт в этом отношении. У него был рукописный список видов бабочек, констатированный до сего времени в пределах губернии. Список этот был им составлен с помощью нашего дяди Н.Н. Пургольда на основании некоторых статей и заметок по местной фауне петербургских лепидоптерологов, большинство которых были любители — доктора медицины, служащие разных учреждений, торговцы и т. д., главным образом немецкого происхождения (Duske, Heipemann, Hüber и др.). Но сейчас же надо сказать, что сборы этих любителей производились почти исключительно в ближайших окрестностях Петербурга, и Лужский уезд ими почти совершенно не затрагивался. Таким образом, коллектирование бабочек в южной части губернии, недалеко уже от соседней Псковской губ[ернии] и притом в весьма интересной в естественноисторическом отношении местности, не замедлило дать весьма важные результаты для познания фауны нашей губернии. Я не могу здесь перечислять наши неожиданные находки, но, в общем, можно сказать, что нам удалось обнаружить ряд видов бабочек, представляющих собой, несомненно, более южные элементы Петербургской фауны. Вместе с тем можно сказать, что, несмотря на нашу молодость (в особенно-

сти мою), сборы наши производились очень систематично и тщательно. Характер Соколова очень подходил для такого рода занятий. Мы погрузились вполне в коллектирование бабочек, продолжавшееся 3 с лишком месяца. Все наше время мы посвящали энтомологии. Так как я занимался в школе отлично (был обыкновенно первым учеником), то мне не давались никакие летние работы. Даже чтением, помнится, я занимался в то лето очень немного. Николай Николаевич отличался вообще упорством в работе, несомненно, у него были способности к наблюдению природы, я же, как младший, следовал его примеру и выработал в себе настойчивость в достижении какой-нибудь цели, например нахождении ряда экземпляров какой-нибудь интересной бабочки или гусеницы. Наблюдательность во мне, очевидно, была развита с малых лет, чем я был обязан моей матери, научившей меня, как уже было сказано выше, рассматривать растения и различать отдельные их части. Во всяком случае, я должен быть благодарным моему двоюродному брату за сообщение многих приемов наблюдения и собиранья насекомых.

О результате таких летних сборов в Нежговицах Николай Николаевич сделал сообщение в заседании Русского Энтомологического Общества и напечатал статью в Трудах Общества. Не могу не сказать, что среди новинок для фауны фигурировала, прежде всего, замечательная вообще, довольно редкая повсюду бабочка крупная медведица *Pericallia matronala*, одна из немногих бабочек, издающих звук (треск). Мы с братом поймали ряд экземпляров бабочки, и вот предстояла задача найти гусениц и выявить растения, которыми они питаются. Долгое время нам это не удавалось, покамест не пришло в голову поискать гусениц ночью. И вот обыскивая при свете фонаря кусты крушины на возвышенном левом берегу Быстрицы, нам удалось обнаружить гусениц *P. matronala*. Упомяну еще о ловле ночных бабочек на приманку. Мы купили в Петербурге дешевый красный мед и мазали им толстые деревья (липы). Результаты получились превосходные: в Нежговицах, как в 1888 г., так и в следующие годы удавалось выловить на мед значительное число редких видов совок. В 1889 г. семья наша снова поселилась на Череменецком озере. В этом году жил с нами и дядя Н.Н. Пургольд. Он был совершенно счастлив, попав в такое интересное в энтомологическом отношении место, и мы трое (Соколовы снова жили с нами) усерднейшим образом собирали бабочек, делая новые добавления к фауне Петербургской губернии. То же происходило и в следующем году. Дядя Н.Н. Пургольд снова жил летом с нами и усердно собирал насекомых. По переезде в город он заболел воспалением легких и скончался. После его смерти коллекции его были поделены между Н.Н. Соколовым и мною. На меня смерть эта произвела сильное впечатление. Я присутствовал в первый раз при последних минутах жизни человека. За гробом шли родные и молодой энтомолог Д.К. Глазунов (брат композитора)³³, в скором времени также ушедший в лучший мир. В последние годы он нередко посещал дядю. «Смотрите, — сказал он мне, — вот на стене дома сидит крапивница, прощается с покойным».

В 1891 г. из-за болезни младшей дочери родители поехали летом вместе со всеми детьми за границу (в Швейцарию). Там я совершенно не собирал насекомых, а занимался гербаризацией альпийской флоры. Это было перед вступлением моим в Университет (в сентябре 1891 г.). Таким образом, я стал студентом-естественником и, будучи на 1 курсе, подумывал о специализации по ботанике.

Мое первое знакомство с Университетом произошло в 1890 г., когда я был еще гимназистом. Н.Н. Соколов, работавший в то время в Зоологическом Кабинете Университета, при-

³³ Дмитрий Константинович Глазунов (1869—1914), энтомолог и путешественник, действительный член Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Младший брат известного композитора, окончил Сорбонну. Д.К. Глазунов обладал также значительными техническими знаниями, с успехом использованными при организации (1899—1904) Биологической станции на Мурмане (Екатерининская гавань). Таким образом, Римский-Корсаков сильно преувеличил, говоря о «скором времени», — Дмитрий Константинович прожил еще 24 года.

гласил меня пойти на защиту магистерской диссертации Владимира Александровича Вагнера, приехавшего из Москвы защищать диссертацию³⁴. Мне, конечно, было крайне интересно увидеть обстановку диспута: магистранта, уже немолодого ученого, прекрасно говорившего и удачно защищавшегося от возражений оппонента, Владимира Михайловича Шимкевича³⁵, главного оппонента, горячо возражавшего Вагнеру, и Н.Н. Полежаева³⁶, второго оппонента, говорившего гораздо мягче и спокойнее своего товарища. Конечно, по существу диссертации, касавшейся систематики и биологии пауков, я ничего не мог понять. Познакомил меня Соколов со своим товарищем по курсу Д.Д. Педашенко³⁷, с которым впоследствии я был в самых дружеских отношениях (см. ниже). Был я также с Н.Н. Соколовым в Зоологическом музее, который тогда размещался еще в старом здании (Кунсткамеры).

Итак, я студент-естественник. Эти 4 года, что я был студентом, счастливейшие годы моей научной жизни. Выражаюсь я именно так потому, что за это время я действительно уже вошел в научную жизнь благодаря прекрасным условиям моего семейного положения, благодаря выдающемуся составу преподавателей Университета и возможности спокойно заниматься учением. Мне не приходилось добывать средства для существования путем добывания уроков или другого заработка, как это было необходимо для очень многих студентов. Учителями моими были и такие ученые, как А.Н. Бекетов, А.С. Фаминцын, Д.П. Коновалов, В.М. Шимкевич, А.О. Ковалевский, Н.И. Андрусов, В.В. Докучаев, Н.А. Меншуткин, Н.М. Книпович и другие. Все 4 года моего пребывания в Университете никаких студенческих «беспорядков» не было, так что внешние обстоятельства не мешали мне учиться и проводить исследовательскую работу. На 1 курсе мне пришлось прослушать курс лекций по эволюционному учению Николая Николаевича Полежаева, имя которого в значительной степени забыто в настоящее время. Он был выдающимся специалистом по губкам (им обработаны кремневые губки в трудах знаменитой английской экспедиции на корабле Challenger). Полежаев был талантливым ученым и хорошо образованным зоологическим профессором. Он прекрасно изложил нам развитие эволюционных идей в биологии и в частности учение Дарвина. К сожалению, он скоро заболел мозговой болезнью и скончался очень рано³⁸.

Профессором по зоологии беспозвоночных считался уже пожилой Николай Петрович Вагнер (литературный псевдоним его «Кот-Мурлыка»). Но он был уже больной человек и прочитал нам всего одну лекцию, на которой демонстрировался почему-то портрет Нью-

³⁴ В.А. Вагнер (1849–1934), один из основателей отечественной зоопсихологии и видный деятель школьного естественно-исторического образования. Выпускник Московского университета, ученик А.П. Богданова, магистр и доктор зоологии ИСПбУ (1890, 1902). С 1906 г. жил и работал в Санкт-Петербурге. В.А. Вагнер находился в личных неприязненных отношениях с В.М. Шимкевичем, причина которых нам не известна.

³⁵ В.М. Шимкевич (1858–1923), известный зоолог-морфолог, сравнительный анатом и эволюционист, общественный деятель. Выпускник Московского университета, ученик А.П. Богданова, магистр и доктор зоологии ИСПбУ (1886, 1889). С 1886 г. жил и работал в Санкт-Петербурге. Проф. Зоологического и Зоотомического кабинетов ИСПбУ, Ректор Петроградского университета (1919–1922), чл.-корр. ИСПбАН (1907) и академик РАН (1920).

³⁶ Николай Николаевич Полежаев (1857–1903), зоолог-спонгиолог, учился в ИСПбУ (1876–1879), но закончил Новороссийский университет (1880); далее работал в Германии и Австрии. Магистр и доктор зоологии ИСПбУ (1885, 1889); приват-доцент ИСПбУ (1888–1891) и, позднее, Киевского университета Св. Владимира.

³⁷ Дмитрий Дмитриевич Педашенко (1868–1926), зоолог-эмбриолог и педагог. Уроженец Санкт-Петербурга, выпускник ИСПбУ (1891), магистр зоологии ИСПбУ (1900), приват-доцент в 1902–1914 гг. Далее работал в Донском политехническом институте.

³⁸ Полежаев страдал прогрессирующим параличом, осложненным тяжелым алкоголизмом. Он был назначен в 1902 г. профессором в Казань, но назначение опоздало — Полежаев в то время уже был глубоко больным человеком и в Казань не поехал.

тона. Он раз или два показался затем в Зоотомическом кабинете и уехал потом за границу. Это было его последнее выступление в Университете. Всем было известно, что последнее время он занимался спиритизмом, а не зоологией³⁹. Несколько лет спустя, когда Николай Петрович доживал свой век в отставке, В.М. Шимкевич счел желательным отметить 50-летие научной деятельности Вагнера, считая справедливым, чтобы молодые зоологи не забыли о замечательном открытии Вагнером педогенеза у насекомых. Он повел нас к Вагнеру на квартиру, чтобы передать приветствие от Университета. Вспоминаю старческую фигуру сидящего в кресле Николая Петровича.

Таким образом, я попал в Университет, когда кафедра зоологии беспозвоночных не была замещена (Шимкевичу было поручено заведование Зоологическим кабинетом, который входил в состав кафедры)⁴⁰. Владимир Михайлович был профессором по зоологии позвоночных и заведовал соответствующим кабинетом — зоологическим. Нашему курсу пришлось слушать зоологию беспозвоночных у приват-доцентов, а именно — у Виктора Андреевича Фаусека⁴¹ (на 3 курсе) и у Николая Михайловича Книповича (на 4 курсе)⁴². Фаусек читал хорошо, но по болезни прочел только небольшую часть курса. Курс Книповича назывался повторительным курсом беспозвоночных и был прослушан небольшой группой студентов, в том числе и мною, с большим интересом и пользой.

Кроме того, Николай Михайлович читал необязательный курс по гидробиологии, который очень заинтересовал меня. Читал он просто, но очень содержательно, знакомя с соответствующей литературой. Книпович умел вводить в курс собственные наблюдения над морскими проволочными, что было весьма поучительно для студентов. Практических занятий по беспозвоночным у нас так и не было.

Зоологию позвоночных мы слушали у В.М. Шимкевича⁴³. Как известно, это был блестящий лектор, прекрасный ученый, но иной раз было трудно слушать его, так как он не любил направлять определенным образом внимание молодежи и выдвигать на первый план самое важное. Он любил приводить мнения различных ученых по какому-нибудь вопросу и этим затруднял схватывание студентами основного. Остроумные сопоставления различных мнений специалистов были его коньком. Следует сказать, что Шимкевич, несомненно, постоянно шел вперед в смысле ясности изложения предмета. В общем можно сказать, что курс наш по зоологии получил не вполне достаточную подготовку для дальнейшего углубле-

³⁹ Николай Петрович Вагнер (1829–1907), открыватель педогенеза у насекомых и организатор первой морской биологической станции в полярных широтах (Соловки), не был сколько-нибудь выдающимся лектором и последние годы своей университетской карьеры действительно мало интересовался наукой.

⁴⁰ Официальное название подразделения было: Кафедра зоологии, сравнительной анатомии и физиологии Естественного отделения Физико-математического факультета ИСПбУ. Она состояла из четырех кабинетов: Зоотомического, Зоологического, Физиологического и Анатомиогистологического. Фактически же это были 4 самостоятельные кафедры.

⁴¹ В.А. Фаусек (1861–1910), зоолог-эмбриолог и анатом беспозвоночных, выпускник ИСПбУ (1886). Магистр и доктор зоологии (1891, 1898), приват-доцент ИСПбУ (1892–1899), проф. Женского медицинского института и Высших женских курсов (1898–1910). Первый выборный директор этих курсов (1906–1910).

⁴² Н.М. Книпович (1862–1939), крупный гидробиолог-океанограф. Выпускник ИСПбУ (1885), ученик К.С. Мережковского; магистр зоологии ИСПбУ (1892), приват-доцент ИСПбУ (1893–1899). Проф., чл.-корр., и почетный академик АН СССР. Основатель научно-промышленных исследований на севере России (1898–1901) и на Каспийском море (1904–1915).

⁴³ Оценки лекторских и педагогических способностей В.М. Шимкевича были различны (см.: Фокин С.И. Русские ученые в Неаполе. СПб.: Алетейя, 2006. С. 311, 320–321). Из воспоминаний М.Н. Римского-Корсакова также складывается впечатление, что Шимкевич был хорошим оратором, но не блестящим педагогом.

ния в данную дисциплину, если это соответствовало стремлениям учащегося. Что касается практических занятий, то они были поставлены в то время, т. е. когда мы были на I и II курсах, недостаточно систематически и полно (по позвоночным занятия велись И.К. Тарнани и А.А. Яценко). В этом отношении громадное значение для Зоологического и Зоотомического кабинетов имело появление в Университете В.Т. Шевякова⁴⁴, о чем будет речь дальше.

На 1 курсе нам полагалось прослушать курс анатомии человека. По существу это было совершенно правильно, т. к. окончившие среднюю школу очень мало знали строение человеческого тела. С анатомией человека в Университете дело обстояло следующим образом: профессора по этому предмету в Университете не было, анатомию читал приват-доцент Петр Францевич Лесгафт⁴⁵, но экзаменовывать он нас, как доцент, не имел права; экзамен был поручен старому профессору, академику Ф.В. Овсянникову, который ранее читал в Университете гистологию. Лесгафт уже несколько лет по уходе его из Военно-медицинской Академии, где он не поладил с известным анатомом проф. Грубером, вел курс анатомии. По расписанию курс этот читался на 1 курсе, но Лесгафт читал анатомию 2 года, а на 3-м курсе вел особый курс биологических теорий и поведения человека (не помню точно, как этот курс назывался). Конечно, официально по расписанию значилась анатомия только на 1 курсе, а остальное представлялось желающим слушать Лесгафта, таковых оказывалось всегда довольно много. Я добросовестно прослушал анатомию 2 года и участвовал на лекциях и рефератах на 3-й год (эти занятия велись уже не в Университете, а на квартире Лесгафта). Несомненно, что Лесгафт обладал большой притягательной силой в смысле привлечения к себе молодежи. Педагогический талант его проявлялся очень ярко. Он умел излагать предмет свой крайне интересно и своеобразно, не похоже на обычное изложение какой-нибудь дисциплины в Университете, и это без сомнения привлекало слушателей его предмета, который обычно излагается сухо и безжизненно. А вот именно жизнь была ключом в его изложении. Строение основных частей и органов человеческого тела излагалось им в связи с поведением человека, его движениями, привычками и т. д. Постоянно фигурировали у него сравнения с различными механизмами, производством и т. п.

При рассмотрении нервной системы он касался психической деятельности человека, приводя различные сравнения и цитаты из литературных произведений. Дикция у него была весьма своеобразная (он постоянно вставлял в свою речь слова «следовательно есть», произнося их очень быстро). Лекции у него были обставлены большим демонстрационным материалом. Человеческие трупы он получал из больниц в большом числе. Всем желающим предоставлялась возможность препаровки тех или других частей трупа. Кроме того, он водил желающих на вскрытия трупов в Мариинскую больницу. На 3-м курсе в связи с вопро-

⁴⁴ Владимир Тимофеевич Шевяков (1859–1930), зоолог-протистолог, выпускник и доцент Гейдельбергского университета (1889, 1891–1894), ученик О. Бючли. Магистр и доктор зоологии ИСПБУ (1894, 1896), с конца 1894 по 1918 г. жил и работал в Санкт-Петербурге. С 1920 г. проф. Иркутского университета. Один из основателей Русской протозоологической школы, Женского педагогического института, Пермского университета, Иркутского медицинского института, чл.-корр. ИСПБАН (1908), товарищ министра народного просвещения России (1911–1917). С 1895 г. реорганизовал учебно-методическую работу Зоотомического кабинета ИСПБУ, ввел весьма полезный для подготовки студентов к самостоятельной работе курс «Большого практикума», основные положения которого были восприняты В.Т. Шевяковым во время его преподавательской деятельности в Зоологическом институте Гейдельбергского университета и сохранялись в преподавании зоологии беспозвоночных в ИСПБУ (позже — Петроградский и Ленинградский университет) около 100 лет.

⁴⁵ П.Ф. Лесгафт (1837–1909), известный врач-анатом и педагог, выпускник Медико-хирургической академии, ученик В.Л. Грубера, автор научной системы физического воспитания. Работал в Казани и Петербурге, где основал Высшие педагогические курсы и Биологическую лабораторию.

сом о поведении человека он предпринимал экскурсии со студентами в такие учреждения, как дом для слепых, дом умалишенных, различные заводы (Обуховский, Путиловский, Косте-обжигательный и т. д.). В этом отношении можно было быть очень благодарным ему, т. к. иначе, наверное, большинству из нас не пришлось бы видеть эти поучительные учреждения. Вместе с тем нельзя не указать на то, что Лесгафт, будучи фанатиком своего предмета, не следил за новостями литературы по анатомии, а в некоторых отношениях был чрезвычайно пристрастен и несправедлив к воззрениям других ученых. Так, например, он почему-то не признавал явлений фагоцитоза в организме животного и резко обрушился, например, на диссертацию по эмбриологии клещей Ю.Н. Вагнера⁴⁶, превосходную работу, в которой очень хорошо была показана фагоцитарная способность некоторых клеток, образующихся при развитии клещей. Мне пришлось с ним спорить по этому поводу, но противоречить ему было нелегко. При изложении биологических теорий Лесгафт явно становился на сторону Ламарка, жизнь которого он излагал весьма подробно, и холодно относился к трудам Дарвина. В некоторых случаях он позволял себе на лекциях резко отзываться о коллегах, которым почему-либо не сочувствовал. Так, прослушав вступительную лекцию В.Т. Шевякова, в которой тот касался ядерного аппарата инфузорий и сравнивал его с ядром делящейся клетки, он назвал Шевякова «микрофокусником». Со всем факультетом Лесгафт был в контрах и через несколько лет вынужден был покинуть Университет (в каком году не помню)⁴⁷. Вспоминаю интересную картину появления ректора Университета вместе с одним из субинспекторов и вахтеров в анатомическом кабинете в одно из воскресений, когда Лесгафт читал лекции студентам: по воскресеньям вести какие-либо занятия в Университете не полагалось, и начальство хотело само убедиться, что Лесгафт ведет себя противозаконно. На 2-м курсе он читал лекции от 8 до 9 ч. утра, когда занятия в Университете еще не начинались. Среди студентов у Лесгафта было много приверженцев, некоторые из которых стали потом работать в Естественнонаучном Институте Лесгафта, о котором будет еще речь впереди. Кажется, когда я был на 2 курсе, был приглашен читать анатомию человека преподаватель Военно-Медицинской Академии И.Э. Шавловский, который читал курс параллельно Лесгафту, но, конечно, большинство студентов шло к последнему.

На 2-м курсе нам предстояло прослушать курс гистологии. Знаменитый зоолог, академик Александр Онуфриевич Ковалевский переехал в это время из Одессы в Петербург, и для выслуги пенсии ему надлежало пробыть в учебном заведении еще 2 года. Таким образом, Ковалевский в течение 2-х лет занимал кафедру гистологии в нашем Университете, после чего оставался только академиком, заведующим Севастопольской биологической станцией⁴⁸. Студенты и весь преподавательский персонал естественного отделения факультета с нетерпением ожидали вступительную лекцию знаменитого ученого. Не могу точно припомнить, что составляло содержание его первой лекции, но всем стало ясно, что Ковалевский не является скольконибудь выдающимся лектором. Он говорил тихо, без какого-либо подъема и воодушевления, но содержание его лекций было всегда крайне интересным. Главнейшее новое, что появлялось

⁴⁶ Юлий Николаевич Вагнер (1865–1946?), зоолог-энтомолог, выпускник ИСПБУ (1888). Магистр и доктор зоологии ИСПБУ (1894, 1896). Хранитель Зоотомического кабинета ИСПБУ в 1894–1897 гг., проф. Киевского политехнического института (1898–1911), министр труда в правительстве гетмана Скоропадского (1918). Эмигрировал в Сербию, где был профессором зоологии Белградского университета.

⁴⁷ П.Ф. Лесгафт оставил преподавание в ИСПБУ в 1895 г. Вместо него курс стал читать А.С. Догель, приглашенный в ИСПБУ знаменитым зоологом-эмбриологом и основателем сравнительной физиологии беспозвоночных академиком А.О. Ковалевским (1840–1901).

⁴⁸ В действительности А.О. Ковалевский был главой Анатомио-гистологического кабинета ИСПБУ 3 года (1891–1894). Он был избран директором Севастопольской биологической станции в 1889 г., академиком в 1890 г., а также был директором Особой Зоологической Лаборатории ИАН с 1893 г.

в литературе, он старался включить в свои лекции. Он постоянно покупал студентам книги и отдельные статьи по разным биологическим вопросам. Конечно, это была не обычная гистология, как ее преподносили студентам медицинских факультетов. Следует обратить внимание на величайшую скромность Александра Онуфриевича. Он касался на лекциях вопросов, которые он сам разрабатывал в своих трудах, но никогда не упоминал при этом о себе⁴⁹. В общем можно сказать, что Ковалевский был полной противоположностью Лесгафту. Практические занятия по гистологии вел Константин Карлович Сент-Илер⁵⁰; поставлены они были вполне хорошо. В связи с лекциями Ковалевского мне хотелось бы остановиться на зоологических семинариях, организованных В. М. Шимкевичем в его кабинете. Дело в том, что на одной из своих лекций Александр Онуфриевич говорил о строении протоплазмы и принес в аудиторию только что полученную им от автора работу Бючли⁵¹ о пенистом строении цитоплазмы и великолепный атлас фотографий к этой работе. После лекции Александр Онуфриевич предложил мне сделать реферат исследования Бючли в заседании зоологических семинариев, происходивших в Зоологическом кабинете под руководством В.М. Шимкевича. Нелегко мне было реферировать большую работу немецкого зоолога, но меня очень захватил подход Бючли к столь сложному вопросу, как строение цитоплазмы, о которой уже приходилось слышать немало от университетских преподавателей. Можно быть крайне благодарным В.М. Шимкевичу за то, что он организовал вообще зоологические семинарии. Насколько помнится, в то время на других кафедрах нашего факультета ничего подобного не было. Шимкевич был широко образованным зоологом, следил за новой литературой по самым разнообразным биологическим вопросам и старался привить у молодежи вкус к обсуждению современных вопросов зоологии, главным образом в области морфологии и эмбриологии, сообразно господствовавшему тогда направлению в науке. К участию в семинариях привлекались не только студенты-зоологи, ассистенты Зоологического и Зоотомического кабинетов, но и работавшие в Гистологическом кабинете и отчасти в Зоологическом музее Академии наук. Сам Шимкевич тоже делал иногда рефераты на семинариях. Так, вспоминаю его реферат о родственных отношениях между классами членистоногих (появившаяся только что работа Кеннеля). Благодаря своей начитанности Владимир Михайлович умел всегда внести живую струю в изложение реферата. Конечно, я не могу здесь перечислять всех докладов, заслушанных мною на семинариях. Для характеристики упомяну о реферате П.Ю. Шмидта⁵², о только что появившейся тогда работе Дриша по экспериментальной эмбриологии, о моем реферате работ Вейсмана и Спенсера о значении естественного отбора в эволюции организмов и др. Секретарем семинариев был сначала Г.Г. Шлатер, студент-зоолог, несколькими годами старше нашего курса; он перешел затем в Военно-Медицинскую Академию. Шлатер усердно занимался зоологией, ездил на Соловецкую Биологическую Станцию,

⁴⁹ Так, говоря о явлениях фагоцитоза, он касался вопроса о гистоллизе у насекомых, показывая таблицы из своей известной работы по метаморфозу мух, но совершенно умалчивал о том, что именно он в свое время работал по данному вопросу. Я помню, как некоторые из нас, знавшие уже об открытиях Ковалевского, говорили между собой после его лекции о том, что он показывал нам именно свои рисунки (примечание М.Н. Римского-Корсакова).

⁵⁰ К.К. Сент-Илер (1866–1941), зоолог, гидробиолог, гистофизиолог, выпускник ИСПбУ (1891). Магистр и доктор зоологии ИСПбУ (1897, 1905), приват-доцент ИСПбУ (1900–1903), проф. зоологии Юрьевского (1903–1918) и Воронежского (1918–1941) университетов. Много работал на созданной им временной биостанции в с. Ковда на Белом море.

⁵¹ Отто Бючли (1848–1920), выдающийся немецкий зоолог и протистолог, много занимавшийся проблемой строения цитоплазмы животной клетки. Впоследствии (1901–1903) Михаил Николаевич работал в Зоологическом институте Бючли в Гейдельберге.

⁵² Петр Юльевич Шмидт (1872–1949), известный зоолог-ихтиолог, выпускник ИСПбУ (1895), ученик В.М. Шимкевича. Сотрудник Зоологического музея АН СССР (однофамилец полярного исследователя и государственного деятеля О.Ю. Шмидта). Одноклассник М.Н. Римского-Корсакова по гимназии Мая.

впоследствии, будучи медиком, работал по вопросам общей биологии и гистологии; он умер сравнительно молодым человеком. После Шлатера секретарем семинариев был Петр Юльевич Шмидт, товарищ мой по курсу (и по гимназии). Краткие записки о содержании докладов на семинариях помещались в выходившем тогда журнале «Естествознание» (журнал издавался в течение нескольких лет под редакцией В.М. Шимкевича).

На 1 курсе я лично еще не занимался зоологией, но бывал иногда в Зоологическом кабинете, где работал окончивший уже в то время курс Н.Н. Соколов, мой двоюродный брат, о котором я уже говорил выше. Скоро Соколов уже перестал заниматься в Кабинете (он занимался там систематикой цикадок). Не оставив какой-либо печатной работы по этому вопросу, Николай Николаевич перешел на работу по прикладной энтомологии в Энтомологическое Бюро, образовавшееся в это время в Министерстве Земледелия и Государственных Имуществ. Об Энтомологическом бюро речь будет еще впереди. Из моих товарищей по курсу целый ряд начал заниматься исследовательской работой на младших курсах. Вообще в дальнейшем несколько товарищей моих сделали профессорами и известными научными работниками. К таковым принадлежат — Николай Яковлевич Кузнецов⁵³, Петр Юльевич Шмидт, Борис Лаврентьевич Исаченко⁵⁴, Сергей Иванович Метальников⁵⁵; я имею здесь в виду биологов. По другим специальностям я упомяну только о некоторых: Борисе Николаевиче Меншуткине, сыне профессора Николая Александровича Меншуткина, лекции которого по органической химии мы слушали на IV курсе, Владимире Александровиче Ковалевском (сын Александра Онуфриевича, химик, рано умерший). Из студентов биологов, кажется, первым написавшим и напечатавшим научные работы был П.Ю. Шмидт. Будучи еще на 1 курсе, он летом отправился на озеро Иссык-Куль и собирал сведения о рыболовстве на нем (работа эта осталась ненапечатанной). На II курсе, он снова был в Семиречье, где собирал жуков и других насекомых. Ему удалось наблюдать там факт свечения у комаров-толкунов (*Chironomus*). В результате поездки он дал географический очерк Семиречья, за который был премирован (премия в память 1-го Съезда Естествоиспытателей и врачей за лучшую студенческую работу по географии Семиречья). Собранные им пауки были обработаны в виде статьи по фауне *Lucosidae* (статья была напечатана в журнале *Zoologische Jahrbucher*). В этом же журнале была им напечатана заметка и о свечении *Chironomus* (бактериологическая природа свечения в то время не была еще доказана).

Я начал заниматься в Зоологическом кабинете на 2 курсе⁵⁶. В это время Шимкевичем была дана тема для студенческой работы на медаль, а именно предложено обработать морфологически какую-нибудь группу из класса многоножек (*Mugāroda*), которые в то время были еще очень мало изучены, а с теоретической точки зрения представляли большой интерес в связи с вопросом о происхождении членистоногих животных. За эту работу взялись

⁵³ Н.Я. Кузнецов (1870–1948), энтомолог-физиолог, выпускник ИСПбУ (1895), сотрудник Зоологического музея и Зоологического института ИСПбАН (позднее РАН и АН СССР), преподавал также на Высших женских курсах и в ИСПбГУ (ЛГУ).

⁵⁴ Б.Л. Исаченко (1871–1948), микробиолог, выпускник ИСПбУ (1895), сотрудник Петербургского ботанического сада и Ботанического института ИСПбАН (РАН, АН СССР).

⁵⁵ С.И. Метальников (1870–1946), зоолог, бактериолог, иммунолог, выпускник ИСПбУ (1895), прямой ученик А.О. Ковалевского и П.Ф. Лесгафта. Магистр зоологии Харьковского университета (1908), проф. Высших женских курсов и Биологической лаборатории (1910–1917). В эмиграции (1919–1946) — руководитель лаборатории Института Пастера (Париж), один из основателей психонейроиммунологии и практических методов борьбы с вредными насекомыми с использованием бактерий.

⁵⁶ Михаил Николаевич не всегда различает в тексте Зоологический и Зоотомический кабинеты. Часто студенты брали темы и работали и в том и в другом, тем более, что неформально в 1892–1894 гг. (формально — в 1894–1896) проф. Шимкевич возглавлял оба кабинета. В данном случае речь идет о Зоотомическом кабинете.

кроме меня П.Ю. Шмидт и студент Евгений Александрович Шульц⁵⁷, который был курсом моложе нас, но уже серьезно интересовался зоологией. Таким образом, нам троим надо было прежде всего найти подходящий материал для работы. Руководителем наших работ, как и вообще студенческих занятий по беспозвоночным, был хранитель Зоотомического кабинета (ассистентов вообще тогда в кабинетах не было) Юлий Николаевич Вагнер (сын проф. Н.П. Вагнера). Он был уже опытным исследователем и готовил в это время магистерскую диссертацию. Он указал нам, что различных многоножек зимой можно найти в оранжерее Ботанического сада Университета. Таким образом, мы начали собирать многоножек среди цветочных горшков и в скором времени напали на ряд интересных форм *Myriapoda*. Шмидт обратил свое внимание на наиболее мелкие формы, а именно нам удалось обнаружить в оранжерее представителей родов *Panropus* и *Scolopendrella*. Шульц задумал сделать анатомию *Julus*, несколько видов, которых было нетрудно найти в оранжерее. Я занялся в это время анатомией и постэмбриональным развитием тропической многоножки *Paradesmus gracilis*, которая вообще встречается в европейских оранжереях, будучи вывезенной в оранжерее вместе с различными растениями. Многоножка эта замечательна тем, что она выделяет из своих желез жидкость, содержащую синильную кислоту (сильно пахнет при дотрагивании). В лаборатории мы начали под руководством Вагнера знакомиться с техникой метода разрезов⁵⁸. Но вот с приближением летнего времени Шульц и я стали думать о том, чтобы поехать летом на Соловецкую биологическую станцию⁵⁹.

О станции этой мы много слышали и от Ю.Н. Вагнера и от других зоологов, работавших в Кабинете. Нами чувствовался большой недостаток в практическом знании животных форм, главным образом морских, т. к., как уже сказано выше, мы не проходили курса практических занятий по беспозвоночным. Со времени основания Н.П. Вагнером Соловецкой станции туда на лето постоянно ездили решительно все, работавшие в Зоологическом и Зоотомическом кабинетах. Сам Шимкевич собирал там материал для докторской работы. П.Ф. Лесгафт предложил мне собрать для его Музея морских животных в Белом море, предоставляя для этого 200 руб. Дело в том, что незадолго до этого богатый человек, Сибиряков кажется, в благодарность за удачное лечение его сына пожертвовал значительную сумму на организацию Естественноисторического Музея⁶⁰. Вспоминаю, как П[етр] Ф[ранцевич] с торжеством объявил студентам, работавшим у него, об этом событии. Таким образом, я решил воспользоваться предложением Лесгафта и стал подготавливать необходимое для собирания морских животных оборудование. В это время в зоологической литературе только что появились сведения о консервировке животных формалином взамен давно уже употреблявшегося спирта. В конце мая или начале июня группа студентов должна была отправиться на Соловецкую станцию. Лаборантом на это лето был назначен Дмитрий Дмитриевич Педашенко, в то время уже бывший хранителем Зоологического кабинета. Из студентов ехали на станцию Е.А. Шульц, В.К. Тропина, И. Попов (студент Варшавского университета) и я. Ар-

⁵⁷ Е.А. Шульц (1870–1914), зоолог-эмбриолог и экспериментальный биолог. Выпускник ИСПБУ (1897). Магистр и доктор зоологии ИСПБУ (1905, 1909), проф. Высших женских курсов (1910–1913) и Харьковского университета (1913–1914). Умер от воспаления легких по дороге в Японию, во время экспедиции.

⁵⁸ Речь идет о технике изготовления тонких срезов объекта, залитого в парафин, на микротоме.

⁵⁹ Михаил Николаевич работал на Соловецкой станции в 1894 и 1895 гг. (в последнем случае как лаборант Станции), позднее дважды посетил Бородинскую пресноводную биостанцию тогда, когда она располагалась недалеко от Бологова (1900) и позднее (1914) на озере Селигер.

⁶⁰ Ученик Лесгафта — И.М. Сибиряков (1860–1901), известный промышленник и меценат (версия о больном сыне не имеет под собою оснований). Сибиряков передал П.Ф. Лесгафту в 1892–1893 гг. 200 тысяч рублей и дом стоимостью в 150 тысяч рублей. Эти средства были использованы для открытия Лесгафтом Биологической лаборатории с естественнонаучным музеем и «Курсов слушательниц и руководительниц физического воспитания».

хангельской жел[езной] дор[оги] тогда не существовало и ехать надо было по железной дороге до Вологды, а затем пароходом по Двине до Архангельска, откуда пароход Соловецкого монастыря доставлял пассажиров на станцию. Все работавшие на станции получали командировки от С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Мне, не бывшему до этого времени на севере, было, конечно, весьма интересно проделать указанный путь. В Вологде мы сели на небольшой пароход, который за 3 суток должен был доставить нас на Соловки. Капитан парохода перед отходом его судна говорил: «Помолимся Богу», и затем давал сигнал к отправлению. Перед нами открывались скромные берега Вологды, затем Сухоны и, наконец, Северной Двины. Красивы были лиственничные леса по Северной Двине и пермские отложения красных песчаников. В Архангельске мы сели на большой удобный пароход, принадлежащий Соловецкому монастырю. Таких пароходов у монастыря было два; они летом постоянно перевозили в монастырь богомольцев, приезжавших в монастырь со всех концов России. Через часов 15 мы были наконец на Соловках.

Станция помещалась в рыбацьем домике на берегу Соловецкой бухты. Внизу жили рыбаки; лабораторные помещения во 2-м этаже, оборудование станции было вполне достаточное. Оно постепенно заводилось С.-Петербургским Обществом Естествоиспытателей. Монастырь шел навстречу Обществу (надпись на домике гласила: «Биологическая станция Соловецкой Обители»). В наше распоряжение было предоставлено 2 лодки. В услужении у нас находились 3 послушника. (Это были молодые люди, которые давали обет послужить монастырю несколько лет; из них, как нам говорили, только немногие оставались в монастыре и делались затем монахами). Для зоологических работ Соловки были чрезвычайно удобным, можно сказать, идеальным местом. Добывание морских животных было крайне легко и просто. Во-первых, конечно, легче всего было исследовать литоральную фауну во время отливов. Тут можно было находить много моллюсков, червей, мшанок, ракообразных и других животных. Стоило отъехать на маленькой лодочке на 10–20 метров от берега, как можно было уж запускать драгу на глубину нескольких метров и обнаружить богатейшую фауну в илистом дне; достаточно было проехать с драгой 20–25 метров, как в драге после промывки оказывались офиуры, брюхоногие и пластинчато-жаберные моллюски, голотурии, динофилы и разные другие беспозвоночные. Выехав немного дальше из бухты, можно было найти на дне иную фауну: в песчаном грунте жили крабы, крупные моллюски *Neptunea*, поглубже обитали плеченогие *Rhynchonella psittacea*, морские ежи и многое другое. На листьях водоросли (*Laminaria*, так называемая морская капуста) можно было находить крупных стебельчатых медуз (*Lucernaria*), различных губок, гидроидных полипов, а поглубже, среди красных водорослей, драга приносила изящных креветок, различных полихет и ракообразных (амфипод). Конечно, мы выезжали и подалее к различным небольшим островам (людям по местному выражению), но сколько-нибудь значительных глубин вообще в окрестностях Соловецкого острова, насколько помнится, не было. Максимальные глубины не превышали 30 м. Крайне интересную фауну северного характера можно было находить в бухте Глубокой на острове Анзерском; именно там был обнаружен еще до нас знаменитый моллюск *Joldia arctica*. Что касается планктона, то, имея планктонную сетку, можно было повсюду наловить великое множество личинок ракообразных, иглокожих, аннелид, моллюсков; нередко также во множестве попадались крылоногие моллюски (*Clione* и *Limacina*), медузы и гребневники. Добавлю, что рядом со станцией находится озеро (Святое) с богатой пресноводной фауной. Для нас, студентов, было, конечно, крайне поучительно знакомиться с морской фауной. Я лично, имея поручение от Лесгафта, собирал усердно морских животных и изучал методы консервировки в особенности нежных форм, как медузы и ктенофоры. Какой-нибудь специальной работой я не занимался. Что касается других товарищей, то прекрасный материал по эмбриологии нового паразита-рачка *Lernaea branchialis* был собран Д. Д. Педашенко. Кроме того он доказал путем опыта, что личинки этого вида поселяются сначала на жабрах камбалы, а затем уже переходят на навагу. Собранный Д[митрием] Д[митриевичем] материал послужил ему за-

тем для написания магистерской диссертации. Другая небольшая работа по выделительным органам голотурий *Chiridota* была сделана Е.А. Шульцем. Остальные 2 студента — К.Д. Тропина и Попов, ограничились наблюдениями над морскими животными. Живых животных мы помещали в больших аквариумах. Постоянно приходили к нам на станцию посетители, чтобы посмотреть «морских чудищ». Это были как сами монахи и послушники, так и богомольцы. Обычные вопросы большинства посетителей были: «Сколько лет живет морская звезда или другое животное?» Удовлетворительного ответа мы на этот вопрос дать не могли; на другой обычный вопрос: «Что ест такой-то зверь?» — можно было легче ответить.

В общем, вся наша компания осталась очень довольной пребыванием на Соловецкой станции. Мне удалось вполне благополучно доставить мой довольно большой материал в Петербург. Осенью мне пришлось заняться разборкой материала в Институте Лесгафта, который остался доволен моей работой.

Летом 1893 г. я решил серьезно заняться анатомией многоножек. Мне пришлось большую часть лета жить на даче в Тайцах по Балтийской жел[езной] дор[оге]. Там в прекрасном парке Удельного ведомства мне удалось найти много представителей *Myriapoda* и среди них обнаружить интересную многоножку с сосущими ротовыми частями *Polyzoniium* и проследить ее постэмбриональное, а отчасти и эмбриональное развитие. Многоножка эта выделяет из своих кожных желез жидкость с резким запахом камфары. Развитие ее оказалось интересным в том отношении, что в противоположность всем другим представителям двупарноногих многоножек (*Diplopoda*) они выходят из яйца не с 3-мя, а с 4-мя парами ножек, что опровергло мнение о сходстве первой стадии постэмбрионального развития *Diplopoda* с насекомыми. Таким образом, на 4-м курсе Университета мной была представлена работа по анатомии и развитию *Polyzoniium germanicum*, за которую мне была присуждена золотая медаль. П.Ю. Шмидт представил работу по анатомии низших многоножек *Panropus* и *Scolopendrella* (материал по последней форме был представлен товарищу по работе главным образом мною). Предварительно сообщение по анатомии *Panropus* было опубликовано Шмидтом в *Zoolog. Anzeiger* еще до присуждения ему золотой медали, а также им было сделано соответствующее сообщение в заседании Отделения Зоологии и Физиологии СПб Общества Естествоиспытателей. Большая работа по анатомии *Panropus* и *Scolopendrella* была опубликована позже в журнале *Zietschr. für wissenschaft. Zoologie*. Третий конкурент медали Е.А. Шульц представил работу по анатомии *Julus*, за которую он получил серебряную медаль. Таким образом, 8 февраля 1895 г. на акте, который всегда бывал в этот день (основание Университета), нам пришлось получать [медали] из рук Попечителя Учебного Округа (фамилии его не помню). На акте присутствовал старик Карл Иванович Май, директор гимназии, где учились мы со Шмидтом. Он был очень растроган тем, что трое из студентов-медалистов (кроме нас получил золотую медаль по юридическому факультету также воспитанник гимназии Мая студент Плева) — [выпускники его гимназии]. Извлечение из моей работы по *Polyzoniium* было напечатано по настоянию Шимкевича уже после окончания мной Университета в «Трудах Лаборатории Зоологического и Зоотомического кабинетов» СПб Университета; статья эта была моей первой печатной работой (1895 г.).

Когда я был на 4-м курсе в Университете, у нас появился Владимир Тимофеевич Шевяков. Он был приглашен в Университет, чтобы занять кафедру по зоологии беспозвоночных. Мне известно, что претендентом на эту кафедру был В.А. Фаусек, но Шимкевич относился к нему без особой симпатии, и по рекомендации А.О. Ковалевского решено было пригласить из-за границы Шевякова в качестве приват-доцента с тем, чтобы по защите им докторской диссертации он был бы утвержден в профессорском звании. В.Т. Шевяков женился незадолго до этого на дочери А.О. Ковалевского, Лидии Александровне, с которой он познакомился за границей⁶¹. Дело в том, что Шевяков получил свое зоологическое образование в

⁶¹ В.Т. Шевяков и Л.А. Ковалевская поженились в январе 1895 г., когда Владимир Тимофеевич уже был приват-доцентом ИСПБУ. Ковалевская была студенткой Шевякова в Гейдельберге.

Германии. Он был учеником знаменитого Гейдельбергского профессора О. Бючли (о котором я буду говорить в дальнейшем), стал его ассистентом и был известным как автор ряда работ по простейшим (Protozoa) и анатомии других беспозвоночных. Он был, без сомнения, достойным кандидатом в профессора Университета. Еще до назначения в Университет он защитил магистерскую диссертацию, приехав для этого из-за границы, а затем в 1895 г. защитил и докторскую диссертацию (монография *Infusoria Aspirotricha*)⁶². Как уже сказано выше, Шевяков стал работать в Зоотомическом кабинете, когда я был на 4 курсе. Он сейчас же начал очень многое перестраивать в кабинете на заграничный лад; за образец им был взят, конечно, Зоологический институт Гейдельбергского университета. Началась, прежде всего, организация демонстративной коллекции по беспозвоночным для лекций и практических занятий. В[ладимир] Т[имофеевич] сам начал монтировать препараты в спирту и в формалине. В качестве помощника он привлекал меня. Работа эта продолжалась затем в течение 2-х лет; в дальнейшем она уже лежала на мне как на ассистенте В[ладимира] Т[имофеевича], который умел показать, как следует обращаться с имевшимися в Кабинете материалами. К работе этой привлекались и другие студенты, специализировавшиеся по зоологии беспозвоночных, оставленные при Кабинете и, конечно, препараторы Кабинета (сначала препаратор Остерман, затем П.А. Беркос и другие). В результате нашей работы получилась действительно прекрасная демонстративная коллекция, которой нередко любовались приезжавшие из других университетов зоологи. Затем начался отбор микроскопических препаратов из большого материала, который имелся в Кабинете, но находился в большом беспорядке. Это были препараты, сделанные рядом лиц, делавших специальные научные исследования в Кабинете, но оставшиеся совершенно неиспользованными в педагогическом отношении. Несколько студентов уже в первый год работы Шевякова в университете начали проходить большой практикум по беспозвоночным. В[ладимир] Т[имофеевич] принимал самое горячее участие в проведении этих работ занимающимися. Все это делалось по образцу Гейдельберга, как в этом я мог убедиться, когда впоследствии работал в Гейдельберге у Бючли. В[ладимир] Т[имофеевич] умел обратить внимание проходивших курс по беспозвоночным на самое существенное, указывал соответствующую литературу и вводил технические приемы исследования, неизвестные ранее у нас. В особенности новым и интересным было все, что касалось простейших (как например — шлифы корненожек, методы фиксации инфузорий, окраска живых простейших различными красящими веществами и т. д.). Была предпринята выписка материалов по морским животным с Неаполитанской станции. Некоторые животные выписывались из Гейдельберга, как например отлично консервированные крупные слизняки. В этих случаях В[ладимир] Т[имофеевич] входил в сношения со своими знакомыми препараторами и служителем Зоологического института в Гейдельберге, которые быстро присылали нужных животных. При быстроте тогдашних почтовых сношений с границей все это было крайне удобно. Помощником В[ладимира] Т[имофеевича] в проведении этого курса был тогдашний хранитель Кабинета Ю.Н. Вагнер, о котором я уже говорил выше. Общие практические занятия по беспозвоночным (обязательные в то время для всех естественников, в том числе, значит, для химиков, геологов и т. д.) были поставлены Шевяковым очень широко и проводились им, можно сказать, с энтузиазмом. В[ладимир] Т[имофеевич] сам делал необходимые объяснения перед началом каждого занятия. Делалось это им превосходно: говорил и объяснял он очень хорошо, рисовал нужное на доске цветными мелками (также заграничная новость). Студенты вообще были очень довольны как лекциями, так и практическими занятиями Шевякова. Нельзя не упомянуть о том, что очень важным и полезным пособием для усвоения курса зоологии беспозвоночных были демонстрации препаратов и живых объектов с помощью фонаря. Это было совершенной новостью в нашем Университете. В течение ряда лет демонстрации эти лежали на моей обязанности.

⁶² На самом деле докторская диссертация была защищена Шевяковым в 1896 г.

Мы с В[ладимиром] Т[имофеевичем] подбирали нужные микроскопические препараты из демонстративной коллекции, а затем на мне лежала подготовка живых объектов для этой цели. Возиться с этим приходилось мне порядочно, но, конечно, это было весьма полезно для меня и в дальнейшем я применял этот метод на своих лекциях в Университете и в других местах. Конечно, живой материал касался в особенности простейших (одноклеточных).

Zoological Recollections of M. N. Rimskiy-Korsakov

DRAWING UP, INTRODUCTORY ARTICLE AND COMMENTS BY SERGEI I. FOKIN

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; sifokin@mail.ru

Recollections of M.N. Rimskiy-Korsakov — well-known Russian entomologist, older son of the great Russian composer, has never been completed. But even this very beginning part made in 1943, which covered the time from early childhood of the scientist to 1895, should be quite interesting for historians of biology. It was not yet published except few lines. Biographical note made by author of the publication. A number of unpublished photos are illustrating the text.

Keywords: M.N. Rimskiy-Korsakov, zoology, St. Petersburg university, entomology.